

**ВЕРИЛ ЛИ КТО-ТО В ЛИГУ НАЦИЙ? ФАКТОР
МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВО ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКЕ ФРАНЦИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1920-е гг.¹**

Магадеев Искандэр Эдуардович

*кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории и
политики стран Европы и Америки факультета Международных
отношений Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский государственный институт международных
отношений (университет) Министерства иностранных дел
Российской Федерации»,
г. Москва.*

В статье рассматривается вопрос о роли и месте Лиги Наций во внешнеполитических курсах Франции и Великобритании в 1920-е гг. Выделены функции международной организации как инструмента коллективной безопасности, сокращения вооружений, разрешения локальных конфликтов, снижения напряженности в преддверии вероятной эскалации конфликта. Автор пришел к выводу о том, что в Париже и Лондоне испытывали скепсис по поводу эффективности Лиги Наций как инструмента коллективной безопасности и разоружения, хотя и отмечали потенциальную позитивную роль организации в двух других ее «ипостасях».

Ключевые слова: лига Наций; Великобритания; Франция; 1920-е годы; безопасность.

**DID ANYONE BELIEVE IN THE LEAGUE OF NATIONS?
THE INTERNATIONAL ORGANIZATION AND
THE FOREIGN POLICIES OF FRANCE AND GREAT
BRITAIN IN THE 1920S**

Magadeev Iskander Edouardovitch

*PhD (History), Associate Professor, Department of European and
American Studies, School of International Relations, MGIMO-University,
Moscow.*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «От интервенции к признанию: “русская” политика Французской Республики в 1917–1924 гг.» №18-09-00498 А.

This article explores the role played by the League of Nations in the foreign policies of France and Great Britain during the 1920s. International organisation is analysed as the instrument to achieve the collective security, to reduce the armaments, to resolve the local conflicts, and, finally, to lessen international tensions and to prevent them from escalating to war. Author concludes that Paris and London were skeptical about the League of Nations as the instrument of collective security and disarmament, though they appreciated two its other functions.

Key words: league of Nations; Great Britain; France; 1920s; security.

Образ Лиги Наций в истории международных отношений в 1920-е гг., на которые пришелся разгар «эры пацифизма», нередко предстает достаточно противоречивым. Многие авторы были склонны писать о ее «подъеме» в первое послевоенное десятилетие, «когда воздух был пропитан оптимизмом», а международная организация «пользовалась широкой общественной поддержкой, и в ее отношении испытывали энтузиазм». Они противопоставляли этот период «падению» Лиги Наций в 1930-е гг. [9, p. 19–20]. Однако другие исследователи стремились подчеркнуть, что и в 1920-е гг. говорить о выраженной поддержке Лига Наций со стороны Великобритании и Франции – ключевых западных членов международной организации после отказа США от ратификации Версальского договора – не приходилось: «... правительственные круги ведущих мировых держав – Англии и Франции – изначально не рассматривали Лигу Наций как главный “инструмент мира”, больше полагаясь на традиционные дипломатические и при необходимости военные средства» [1, с. 79].

Цель данной статьи – выявить степень реальных надежд, которые связывали государственные деятели Франции и Великобритании с Лигой Наций как с инструментом поддержания безопасности и снижения международной напряженности. Первые два шага к достижению данной цели – уточнение предполагаемых функций международной организации, а также разграничение общественных настроений, с одной стороны, и подходов тех политиков и дипломатов, которые были ответственны за принятие внешнеполитических решений, с другой.

Как панегирические, так и уничижительные оценки в отношении Лиги Наций нередко высказываются без уточнения ее реальных возможностей и функций. Можно согласиться с тем, что Лига Наций «была лишь механизмом для осуществления многосторонней дипломатии, успех в применении которого зависел от готовности и желания использовать его со стороны государств, а особенно – наиболее могущественных государств» [14, р. 299]. Еще британский дипломат, историк и бывший заместитель Генерального секретаря Лиги Наций Ф. Уолтерс в своей классической «Истории Лиги Наций» (1952) хотел доказать, что неудачи в деле обеспечения коллективной безопасности в межвоенный период проистекали не из дефектов самой международной организации, а из политики великих держав, являвшихся или не являвшихся ее членами [15].

В данной статье акцент сделан на четырех функциях Лиги Наций. Международная организация рассматривалась в 1920-е гг. в качестве инструмента (а) поддержания коллективной безопасности, (б) сокращения вооружений, (в) разрешения локальных конфликтов, (г) снижения напряженности в преддверии вероятной эскалации конфликта и недопущения его перерастания в полноценную войну.

Важно отметить при этом, что энтузиазм в отношении Лиги Наций был, как правило, значительно более серьезным в широких общественных кругах, а не в правительственных кабинетах. Как писал в меморандуме МИД Великобритании от 15 марта 1929 г. британский дипломат А. Кадоган, «наши сложности, похоже, проистекают из того факта, что мы ведем двойную жизнь, как оно и было, в вопросе разоружения. На публике в Женеве мы ратуем за разоружение и говорим с удовлетворением о гарантиях мира, обеспечиваемых Уставом [Лиги Наций], Локарнскими соглашениями [1925 г.] и пактом Келлога [1928 г.], в то время как дома и в тайне мы говорим на том же языке, что и в 1913 г.» [цит. по: 12, р. 125].

Функции обеспечения коллективной безопасности и разоружения рассматривались в качестве ключевых одним из главных создателей Лиги Наций – президентом США В. Вильсоном. Определенные надежды в этом смысле существовали и среди ряда французских и британских политиков преимущественно левого толка. Премьер-министр Великобритании Р. Макдональд, высту-

пая 18 марта 1924 г. в британском Парламенте, подчеркивал: «Мы поддерживаем политику международного сотрудничества через усилившуюся и расширившуюся Лигу Наций; урегулирование споров путем соглашений и судебного арбитража; создание условий, при которых всеобъемлющее соглашение по сокращению вооружений станет возможным» [7, col. 818]. Лидер французских социалистов Л. Блюм и в 1932 г. писал: «Как можно вообразить себе, что однажды Германия нападет на Польшу, что будет нарушением “пакта Бриана–Келлога”, Локарнского договора и Устава Лиги Наций, и все державы-участницы Лиги будут обязаны оказать Польше помощь?» [цит. по: 6, p. 273].

Однако представители доминировавших в 1920-е гг. во Франции и Великобритании правых и правоцентристских сил были настроены в отношении Лиги Наций как инструмента коллективной безопасности намного более скептически. Краеугольной в этом смысле была 16-я статья Устава международной организации, фиксировавшая обязательства о взаимопомощи государств-членов. Однако 6 октября 1925 г., во время заседания Локарнской конференции, министры иностранных дел Франции (А. Бриан) и Великобритании (О. Чемберлен), комментируя значение ст. 16, поспешили сообщить своему германскому коллеге Г. Штрездеману, что «обязательства, которые берут на себя члены Лиги Наций в ст. 16, в общем остались в состоянии моральных обязательств». Эти обязательства «точно не определены и государства могут толковать их различно, в зависимости от конкретных обстоятельств данного конфликта» [3, с. 172, 236].

В феврале 1925 г., в британской дипломатической переписке Чемберлен формулировал свою мысль о неэффективности мер коллективной безопасности еще более развернуто: «Я твердо уверен в том, что правильный путь заключается в следовании от частного к общему, а не наоборот, как в попытке, закрепленной в Уставе [Лиги Наций] и в [Женевском] протоколе [1924 г.]... Форма гарантии, которая является столь общей, что мы берем на себя те же самые обязательства по защите, скажем, Польского коридора ... как и в отношении международных соглашений или условий, от которых, как показывает история, зависит наше существование как государства, является гарантией столь широкой и общей, что она никого не убеждает и не дает чувства безопасности

тем, кто заинтересован в наших действиях» [4, р. 270]. Оценивая значение Женевского протокола об обязательном арбитраже, упоминавшегося Чемберленом выше, подполковник Э. Рекен – французский военный эксперт, заседавший в различных органах Лиги Наций, – писал во внутреннем меморандуме от 20 октября 1924 г. о том, что этот документ мог «увеличить *чувство безопасности*, но *он не является гарантией*, на которой может быть основана оборона государства [курсив дан в тексте документа. – И.М.]» [цит. по: 8, р. 274].

Однако подобные тезисы, имевшие хождение в британских и французских властных кругах, не отменяли того, что Париж и Лондон рассчитывали использовать и использовали механизм Лиги Наций для определенного снижения международной напряженности, что отвечало их интересам как державам статус-кво. Важным в этом смысле являлся опыт 1914 г., интерпретируемый нередко как эскалация локального (австро-сербского) конфликта в мировую войну в результате существования «системы союзов». Само наличие Лиги Наций должно было стать антитезой подобным военно-политическим союзам, направленным против конкретных противников. Как писал Макдональд в книге «Внешняя политика Лейбористской партии» (1923), «мы должны сфокусировать наши контакты с Европой на Лиге Наций. У нас не должно быть союзов с отдельными странами...» [цит. по: 10, р. 59].

Однако отсутствие «жестких» альянсов следовало, с точки зрения и более консервативных британских политиков и дипломатов, дополнить инструментарием деэскалации напряженности или начавшихся конфликтов. Как отмечали современники, многие британские действия в период создания Лиги Наций проистекали из убеждения, что «войны можно было бы избежать, если бы австро-сербский спор был вынесен на конференцию европейских держав» [2, с. 260]. Лига Наций должна была послужить признанной площадкой для разрешения международных конфликтов по заранее согласованной процедуре. Влиятельный секретарь британского Кабинета министров М. Хэнки, в целом скептически относившийся к возможностям Лиги Наций, полагал во внутренней записке от 22 мая 1930 г., что «главной целью планов Лиги является отсрочка начала войны, выигрыш времени, в течение которого могут быть предприняты меры по примирению и посредниче-

ству» [C[abinet]P[aper] 183 (30)) // The National Archives of Great Britain, Cabinet Office 24/212, fol. 233].

Намеченная выше палитра французских и британских оценок в отношении Лиги Наций получила свое отражение и в реальном функционировании международной организации в 1920-е гг. Даже в первое послевоенное десятилетие, когда державы-ревизионисты были не в силах бросить серьезный вызов державам-победителям по итогам Первой мировой войны, Лига Наций не могла противодействовать агрессивным действиям слабейшей из «великих держав» – Италии. Инцидент августа 1923 г., связанный с итальянской оккупацией греческого острова Корфу (Рим обвинил греков в убийстве итальянских военных, занимавшихся делимитацией греко-албанской границы), должен был рассматривать Совет Лиги Наций. Однако, учитывая нежелание Италии передавать вопрос международной организации, его урегулировала Конференция послов стран Антанты (Афины заплатили компенсацию, а Рим вывел войска). Де-факто инцидент продемонстрировал, что Лига Наций не могла решить спора, если в нем задействована великая держава, при отсутствии согласия со стороны последней [5].

Лига Наций не смогла сыграть ожидаемой роли и в вопросе сокращения вооружений. В 1920-е гг. различные переговоры по разоружению пробуксовали не только из-за ревизионистских требований Германии (после ее вступления в Лигу Наций в 1926 г.), но и выраженных англо-французских противоречий. Руководство Великобритании призывало «милитаристскую» Францию к сокращению вооружений, в то время как Париж настаивал на получении новых британских гарантий безопасности как на предварительном условии для разоружения [16].

Однако в реализации двух других своих функций международная организация оказалась более эффективной. В качестве примера успешного давления Совета Лиги Наций на малые и средние государства, в результате которого те вынуждены были отказываться от выраженных агрессивных действий, что способствовало деэскалации текущей напряженности, можно назвать меры в отношении Польши и Литвы в 1927 г. Они были предприняты в условиях обострения польско-литовских противоречий по вопросу о Вильно и опасений новых столкновений между странами. 10 декабря Совет Лиги Наций постановил, что состояние войны

между Польшей и Литвой прекращено, и посоветовал двум сторонам начать переговоры с целью разрешить оставшиеся противоречия [13].

Оценивая итоги деятельности международной организации в одном из частных писем, датированном 17 января 1927 г., Чемберлен в характерном духе писал о том, что Лига Наций оказалась «намного более полезным инструментом», чем кто-либо ожидал [11, р. 312]. В этой фразе было емко суммирован как скепсис по поводу «большого замысла» Лиги Наций, так и признание ее определенного вклада в дэскалацию отдельных конфликтов.

Список литературы

1. Горохов В.Н. История международных отношений. 1918–1939. М., 2004.
2. Джордан В.М. Великобритания, Франция и германская проблема в 1918–1939 гг. М., 1945.
3. Локарнская конференция 1925 г. Документы. М., 1959.
4. Austen Chamberlain Diary Letters: The Correspondence of Sir Austen Chamberlain With His Sisters Hilda and Ida, 1916–1937 / Ed. by R.C. Self. Cambridge, 1995.
5. Barros J. The Corfu Incident of 1923: Mussolini and The League of Nations. Princeton, 1965.
6. Greilsammer I. Blum. Paris, 1996.
7. Hansard. Parliamentary Debates. Ser. 5. Vol. 56.
8. Jackson P. France and the Problems of Security and International Disarmament after the First World War // Journal of Strategic Studies. 2006. Vol. 29. No. 2. P. 247–280.
9. MacKenzie D. A World Beyond Borders: An Introduction to the History of International Organizations. Toronto, 2010.
10. Orde A. Great Britain and International Security, 1920–1926. London, 1978.
11. Petrie Ch. The Life and Letters of the Rt. Hon. Sir Austen Chamberlain. Vol. 2. London, 1940.
12. Salzmann S.C. Great Britain, Germany and the Soviet Union: Rapallo and After, 1922–1934. London, 2002.
13. Senn A.E. The Polish-Lithuanian War Scare, 1927 // Journal of Central European Affairs. 1961. Vol. 21. No. 3. P. 267–284.

14. Steiner Z. The Lights that Failed: European International History 1919–1933. Oxford, 2005.
15. Walters F.P. A History of the League of Nations. Vol. 1–2. London, 1952.
16. Webster A. Strange Allies: Britain, France and the Dilemmas of Disarmament and Security, 1929–1933. London, 2020.